

После курсов я всегда провожал Иру в общагу, так я выражал ей признательность за то, что она не бросила меня сразу. Она тоже держалась достойно. Мы активно целовались, я учился руками доставлять Ире удовольствие. Не на улице, конечно. Мы прятались в подъезде, иногда поднимались ко мне в комнату. Мама была рада знакомству. В ноябре Гарри с Олей укатили на десять дней в Египет. Я вздохнул с облегчением, пол-таблетки виагры лежали в кошельке, грели душу.

— Очень красивая девушка, — соврала мама, когда я вернулся с остановки, проводив Иру.

— Спасибо, — я, конечно же, понимал, что она хочет сделать мне комплимент. Какой, мол, у меня хороший вкус.

— И умная.

— Это точно, — я кивнул. В этот момент каждый из нас с сомнение задумался, так ли это. Ира волновалась, молола всякую чушь. Умной она уж точно не выглядела.

В следующий раз я пригласил Иру в гости, когда мама была на работе. Мы попили чая, с серьёзными напряжёнными минами прошли ко мне в комнату. После неудачной попытки заняться сексом, кучи французских поцелуйчиков по кустам да подъездам, обещаний «сделать это» снова во что бы то ни стало, добиться успеха, мы шли к кровати, как штангисты-олимпийцы, выходящие на помост. Тщательно натёрли руки мелом: по очереди зашли в ванную, чтобы подмыться-помыться. Я выдал Ире чистое полотенце. Потом долго оценивали вес штанги: я выложил пачку презервативов на стол, к чему стеснения? Чего Ира не знала и не могла знать, так это то, что я за полчаса до прелюдии выпил таблеточку виагры.

Ощущение тепла медленно разлилось по низу живота, я давно не чувствовал такой силы, просыпающейся внизу. Когда Ира вялыми движениями встретила мои приставания, я был заряжен до предела. Такого сильного желания я не испытывал даже до знакомства с Гарри. Странно, думал я, как легко он смог отбить у меня охоту активно трахаться. Я хотел быть его девочкой и в то же время мне нравились фантазии об активном сексе.

— Ого! — воодушевилась Ира, рукой нащупав каменный перчик, палаткой натягивавший трусы. — Тут, похоже, всё в порядке.

Мы быстро расправили постель, запрыгнули под одеяло. Ира только проследила, чтобы я накинул резинку, в следующий момент я глубоко вошёл в неё и мы слились в танце любви.

— Да, — выдохнула Ира, закидывая голову назад. — Как хорошо, — она подбадривала меня. В том, что она расслабленно получает удовольствие, я сильно сомневался. Я тоже работал как солдат, выполняя стратегическую задачу. Мне хотелось показать ей, что я настоящий мужик, а не какой-то там сюсю. Чтобы она не смеялась больше за моею спиной, она и так сдерживала улыбку каждый раз, когда дело заходило о сексе. «Вот мой шанс!» — думал я.

Наученный у Гарри выдерживать секс-марафон, я делал паузы, подводя себя и широкотелую Иру к оргазму. Она сдалась первая. Одаривая меня поцелуями, шептала слова любви, пока я, поняв, что теперь можно, наслаждался последними секундами до взрыва. Мы сцепились руками и ногами, вжавшись друг в друга, как греко-римские борцы, тёрлись лобками (мой выбритый, её волосатый), пока мой пыром торчащий перчик не начал конвульсивно вздрагивать, посылая в мозг чудесные сигналы освобождения. Чтобы усилить эффект мы слились в поцелуе, языки наши сплелись, я, как властный мужчина-доминант, лежавший

сверху, ввёл язык Ире в рот. Она не возражала, тянула меня, обсасывая. Я сладко агонизировал, кончая. Выходить мне не хотелось, я наконец обрёл счастье. Ира уже давно представлялась мне замечательной женой, прекрасной невестой, заботливой матерью моих детей.

— Я люблю тебя, — произнесла она в самое ухо, и я откликнулся поцелуями и равнозначным признанием:

— И я тебя.

Мы продолжили обниматься и целоваться. Через два часа всё закончилось. Эрекция сдулась так же легко, как и возникла, и потом уже не появлялась.

###

В начале декабря к нам в гости неожиданно зашёл младший брат Гарри Миша. Без предварительных договорённостей с мамой или сестрой он нарисовался в дверном проёме, подковырнул носком одну пятку, вторую — так он снимал кроссовки, скинул синий пуховичок, шапочку с помпоном. Миша оказался весьма симпатичным молодым человеком: кругловатое лицо, пухлые губы, голубые глаза. Подтянутый стройный Гарри встретил брата-неформала нежными объятиями:

— Привет, — запел Гарри, делая вид, что хочет поцеловать Мишу.

— Да отстань! — тот вывернулся, сконфузившись, поглядывая на нас с улыбкой.

Мы втроём изучали «братэллу», как его в шутку называл Гарри. Миша даже на свадьбу не соизволил явиться, а тут вот нарисовался. У Миши была дорогая серёжка в одном ухе, густые чёрные волосы водопадом спадали до плечей, закрывая часть лица. Цветастый шарфик удавом опутывал шею. Толстый свитер из бежевой ангоры, шерстяные штаны в клеточку бурого цвета, носочки, жёлтые, в тон шарфику, создавали образ художника, которым Миша по сути и являлся. Он учился на художника-аниматора.

Говорил он витиевато, невпопад, с интонацией, которая часто, пока мы пили чай, вводила нас троих в ступор. Гарри подтрунивал над братом, щипал его за пышные бока. Миша был плотно сложен. Клетчатые штаны сидели в обlipку на круглой заднице и болтались как брюки-кlesh внизу, хоть изначально так и не планировалось.

— Я надеюсь, вы меня простите за то, что я не смог попасть на свадьбу и раньше к вам не заходил. У меня были кое-какие непредвиденные обстоятельства.

— Да, конечно, — мама оставалась вежливой до конца. — Очень хорошо, что ты зашёл...

— Я не договорил, — Миша многозначительно смерил маму взглядом, в котором просматривалась доля презрения.

Мама тут же смутилась и замолчала. Мы тоже притихли, Миша легко возбуждался, становился в позу обиженного, если можно так сказать.

— Извини, — промямлила мама, а Оля хмыкнула. Я тоже прикрыл губы ладонью, чтобы скрыть улыбку.

— Так вот, — Миша сел ровнее, готовясь к официальному заявлению. — У меня было нервное расстройство, и я не мог ни с кем общаться.

Он говорил, едва открывая рот, приняв слишком безразличный тон. Мы, конечно же, понимали, что ему тяжело даётся признание.

— Но теперь-то всё хорошо, — то ли спросила, то ли утвердительно заверила мама. Она попросту хотела оставаться доброй и вежливой, а Миша опять вцепился в возможность обидеться:

— Теперь всё просто замечательно, — он скривился, выдавливая из себя улыбку. В его голосе скользнула тень обиды и сарказма: — Я бы сказал, теперь у меня больше друзей, чем когда-либо, — он покосился на Гарри, и тот одобрительно кивнул в ответ.

— Да, — великодушно раззявился Гарри. — Теперь у Миши отбоя нет от друзей, — он растянулся в широкой улыбке, а мы с мамой и Олей улыбались в недоумении, думая о том, как бы поскорее соскочить, избежать взрывоопасного общения, которое неизвестно ещё к каким обидам приведёт.

Выяснилось, что Миша переехал в соседний район, где снял однокомнатную квартиру. — Бедный мальчик, — сказала мама, когда лифтовая дверь с шумом закрылась и лифт поехал вниз. — Надо почаще его приглашать в гости.

Мы согласились с ней, из вежливости, конечно. Встретаться с Мишей ещё раз по своей воле не хотелось.

14

Моя эрекция оставалась мягкой, она твердела на короткий промежуток, но потом неизменно превращалась в сардельку. Вялая, разлитая в полную длину плоть не представляла опасности для рожавших женщин, что уж и говорить о нерожавших или девственницах. Я нервничал по этому поводу. «Вот до чего доводят игры в девушку!» — корил я себя. Мастурбация моя проходила по женским правилам: я раздвигал бёдра в стороны, гладил себя под мошонкой, неизменно представляя, как мужской член входит в меня. В такие моменты я вспоминал о лёгком решении всех проблем: переметнуться на женскую сторону, стать желанной для Гарри. Первое время я воздерживался, но периодически срывался. Гарри сам тонко чувствовал моё настроение, направлял меня на возможность остаться наедине с ним, поиграть «в девочку». На этой почве отношения с Ирой превратились в догонялки: она сомневалась в моих чувствах, а я выражал всеми силами, что хочу и люблю её, но нет возможности. Когда мы наконец оставались одни, я часто действовал пальцами и не доводил дело до соития. Потом Ира делала мне минет и уходила со странным выражением лица. Я прекрасно понимал, о чём она думает: «У тебя не стоит! Ты — импотент!» Я и сам так начинал думать.

Перед самым Новым годом позвонил Миша. Он раздобыл мой номер телефона у Гарри и был очень доволен собой.

— Может, зайдёшь ко мне? Пообщаемся? — Миша, когда нервничал, повышал тон голоса, как стервозная женщина, готовая взорваться проклятиями.

Я почувствовал, что отказ может вызвать у него кучу негативных чувств и согласился.

Чего мне терять, думал я. Зайду, потешу парня своим присутствием. Мы были практически одного возраста и даже чем-то похожи внешне. Только я был стройнее, а Миша всё же больше в теле.

###

Он открыл дверь в махровом розовом халатике, белых чулках. Я отпрянул, глупо заулыбался.

— Тише, — Миша улыбался, как пойманный с поличным мальчишка, стоящий перед судьёй. Он поднёс указательный палец к губам. — Проходи, — шепнул он.

Я сделал шаг в тёмную прихожую, впереди за дверью играла классическая музыка, беспокойная, взрывоопасная.

— Ты не один? — шепнул я в ответ.

— Сейчас всё сам увидишь, — Миша принял у меня куртку. — Только молчи, понял? — строго

сказал он вполголоса.

Я кивнул. Через секунду он впускал меня в зал, где на двухспальной кровати раком в знакомой мне повязке на глазах стояла моя Оля. Гарри голый сидел в кресле слева, гладил толстый залитый свинцом ствол, почёсывал жирную выбритую мошонку. Рядом с ним на журнальном столике стояла початая бутылка шампанского, серебристые шарики стайками взлетали в высоких фужерах. Он жестом предложил мне сесть в кресло рядом с ним.

Я опустился, или скорее повалился, потому что знакомая ситуация тут же всколыхнула мне сознание. Голая Оля стояла перед нами распахнутая, даже внутренние губы влагалища были слегка приоткрыты. Она была в сексуальной горячке, музыка и полумрак смазывали ощущение реальности.

Миша скинул с себя халатик, он был в белых кружевных стрингах, бюстике. Белые резинки чулков доходили до ягодиц. Но главное его тонкий член высоко торчал бордовой головкой. Розовая мошонка болталась двумя неравно развешенными яичками, голый лобок со следами женского загара, с небольшой складочкой жира на животе, ограничивались в темноте яркими белыми стрингами, сдвинутыми набок. Миша был в презервативе. Он вернулся к сестре, вошёл в неё и замер, вывернув шею в мою сторону. Шаловливый взгляд встретился с моим поверженным. Я возбуждался, хоть и запрещал себе. Миша тем временем трахал Олю, медленно водил бёдрами, она же мычала, уткнувшись носом в подушку.

— Вот твои трусики, — шепнул Гарри, протягивая мне пакет. — Жду тебя на поле боя, — он чмокнул меня в висок и отправился в сторону кровати.

Член Гарри горизонтально колыхался на пол-метра. Ему не нужен был презерватив, ведь он трахал жену, а мы, получается, были его помощники. Или помощницы. Я совсем запутался, наблюдая за тем, как Гарри с Мишей зажали Олю между двух огней. Движения Миши были неловкие, неуверенные в моменте проникновения. Его толстый круглый зад напрягался, меняя форму, но бёдра оставались на месте. Он не трахал, а тыкался в Олю. Гарри тоже заметил неуклюжие движения партнёра по траху, как дирижёр поднял руку, заколыхал ладонью в такт, затем быстрее. Но Мише не был готов к такому ритму.

Я оставался сидеть в кресле с мешком в руках. Во рту всё пересохло. «Не со мной, так с другим», — приходило понимание. Гарри нашёл для сестры третьего — своего брата. И тот был развращён точно так же, у него были те же женские замашки, что и у меня. Я нервно сглотнул.

«Так вот, что меня ждёт», — с грустью думал я.

В этот момент Гарри, вырвав распаренный член из жадного ротика сестры, вылез из-под неё, зашёл сзади и руками нашёл пышные колобки Миши. Брат жеманно улыбнулся, как девушка, получившая комплимент. Так я чувствовал себя, когда Гарри оказывал мне знаки внимания. Пальцами Гарри смазал Мишу сзади и через секунду его конская залуза пробивала путь в сфинктер парня.

— М-м-м, — застонал Миша, закрывая глаза, открывая их снова, чтобы встретиться со мной. Он пялился на меня, зажатый между Гарри и сестрой, а Гарри целиком и полностью овладел братом. Его шняга на тридцать сантиметров, как осиновый кол, вошла в Мишу. Тот и глазом не моргнул, видимо, готовый к такому проникновению.

Три попы слились в одном ритме. Миша уже не дёргался и дёргал. Он лежал расслабленно, а Гарри долбил его и сестру. Он вытянул руки, ухватился за Олины бёдра и притянул их двоих на себя. Он разгонялся и бил сразу в два тела, пробивая брата, передавая ему инерцию,

которой он стремился в сестру. Оленька стонала громче всех, Миша закусывал нижнюю губу. Гарри работал остервенело, как порно-актёр безотказно поставляя трах-удары.

Я вяло переодевался, в пакете лежали все мои женски игрушки: чулочки-сеточки, трусики, бюстик, даже парик и косметический набор.

На кровати тем временем Гарри перевернул брата и сестру. Её положил на спину, а его пахом посадил на рот сестры. Она продолжила делать минет Мише, тот в свою очередь ласкал её разбитое влагалище. Сам Гарри пристроился здесь же: подложил подушку под Олины бёдра и медленно вогнал свою шнягу ей в анус. О том, что Оля занимается с Гарри анальным сексом я и не подозревал. Как легко она приняла его бычий размер, дивился я. Миша вылизывал разбитую щель, временами скатываясь на полизывание ствола, скользящего в анусе Оли.

Я же стоял рядом и мастурбировал. В моём поникшем настроении проскальзывали мысли о поражении, я сдавался перед чужой фантазией: Оля хотела трахаться в группе, Гарри и Миша хотела заниматься сексом вместе. Я возбуждался, глядя на них. Я завидовал, я хотел стать частью этой любви, возникшей между сестрой и её извращённым мужем.

Гарри отвлёкся на секунду, посадил меня перед сестрой на коленки. Мне понадобилось две минуты, чтобы раскатать член на вялый член, войти в сестру. Не в анус, конечно же. Миша встретил меня нежными поцелуями. Теперь этот парнишка смотрел мне в глаза ласковым взглядом. Его поцелуй смутил в щёку возле самого рта смутил меня, заставил отклониться. Но в следующий момент его женский вид, мой женский вид вызвали во мне желание стать с ним ближе, как будто я и он — мы оба — обе. Мы девушки Гарри, лесбиянки по его же словам, или би. В общем нам нравится переодеваться и играть в девушек, заниматься при этом сексом с парнями и девушками. Играть роль как пассивную, так и активную. Неважно какую, главное получать при этом удовольствие и чувствовать любовь и поддержку. Так я сейчас чувствовал в тот момент. Любовь Гарри и его брата окутала меня, слилась с развратным желанием сестры отдаться группе парней. Или девушек?

Гарри смазал меня и медленно вошёл, так же глубоко и верно, как до этого пробил брата. Мы слились в танце, в одном ритме заколыхались в лоне сестры. Миша опустил лицо на её лобок, его язык скользнул по Олиному клитору, облизнул мой лобок, касался его, каждый раз, когда я прибывал Олю, когда Гарри прибывал меня, чтобы я расслабленный входил в Олю. Он опять трахал нас: меня, Олю, Мишу. Миша сидел верхом на сестре, мы все четвером задвигались в медленном ритме, каждый нашёл удовольствием в этом групповом танце.

Член Гарри работал, как отбойный молоток. Никогда я не чувствовал такого участия с его стороны. Он нашёл разведённые бёдра сестры, прибил меня к ней и острым взглядом сопровождая каждое движение (я пялился на него постоянно, вывернув шею), трахал меня с дикой скоростью.

Я скоро сдался и забыл про Олю, Гарри, Мишу. Я целовал в губы по очереди партнёра спереди, сзади, я давал им свой ротик, мой язык бился во рту, как в припадке. Миша стянул вниз бюстик и присосался к моим соскам. Гарри по очереди цеплялся за меня и сестру. Он достал распаренный раздолбанный член из моей задницы и поднёс его к лобку Оли. Миша опустил вниз, чтобы помочь ртом. Гарри схватил меня за волосы и, как щенка, достал из сестры. Потом он опустил меня рядом, заставил лизать Олино разбитое влагалище, хотя принуждать меня к чему-либо не было необходимости. Я был в пьяном бреду возбуждения. Миша тут же слился с моими губами, находя клитор сверху, пока я вылизывал внутренние губы сестры снизу. В этот момент Гарри с рёвом выстрелил. Он рукой загонял свой кол,

залупа окончательно оплыла по стволу, сжалась, расширилась. Губки члена раскрылись чёрной дырочкой, как рот карася, выброшенного на берег. Через секунду из них полились густые потоки горячей солоноватой спермы, он фонтаном летела на Олино влагалище (Гарри целил на лобок), стекало по складкам внешних и внутренних губ. Мы с Мишей вылизывали сперму, языками стягивали сгустки в рот, чтобы поцелуями поменяться собранным. В этой игре нам не было равных. В горящих глазах Миши я прочитал благодарность, страсть конвертировалась в любовь, он был счастлив, как и я. Он разделил чувство вины, нашёл себе подобного.